

СВЕТСКАЯ ИММИГРАЦИЯ ИЗ ГРЕЦИИ В РОССИЮ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Т.О. Опарина

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Статья посвящена эмиграции в Россию православных подданных Османской империи и вассальных ей государств. Хронологические рамки исследования определены в границах с конца XVI до первой половины XVII вв. В работе представлены динамика миграции, анализ её причин, раскрыт социальный состав выходцев, изучено место, которое они занимали в русском обществе.

В источниках отмечается, что мотивы переселения греков в первую очередь были конфессиональными. Своё желание уехать в Россию они объясняли угрозой исламизации. В статье выяснено, что русское правительство было крайне заинтересовано в миграции. Греков в России всегда охотно принимали и предоставляли им русское подданство. Русское правительство при этом руководствовалось несколькими мотивами. В первую очередь власти исходили из доктрины Москвы как Третьего Рима, которая возлагала на русского царя функции византийского императора. После падения Византии миссией единственного последнего суверенного правителя – московского государя – становилась защита православия и спасение единоверцев. Через греческую миграцию реализовывался комплекс мессианских воззрений о Святой Руси. Кроме того, миграция позволяла расширить состав русского привилегированного сословия за счёт знати бывшей Византии, а также пополнить ряды специалистов в военном деле.

В результате за рассматриваемый период в Россию переселились более 200 человек. Наиболее интенсивный характер миграция приобретала во время тесных дипломатических отношений между русской и греческой сторонами: при утверждении царского титула, учреждении патриаршества, в период подготовки к Смоленской войне (1632–1634 гг.), при проведении церковно-обрядовой реформы патриарха Никона.

Социальный состав иммигрантов был неоднородным: пленённые татарами жители Дунайских княжеств, рядовые военные Османской армии, купцы, ремесленники, члены семей турецкой администрации, тимариоты, представители византийских аристократических династий, родственники высшего греческого духовенства. Наличие рекомендательного письма патриархов христианского Востока открывало перед иммигрантами возможность получения чина московского дворянина. Более двух десятков греческих иммигрантов вошли в Государев двор, семеро из них подтвердили княжеский титул. Около десяти иммигрантов стали переводчиками Посольского приказа. Остальные иммигранты были зачислены в Иноземский при-

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 12.07.2017 г.

Принята к публикации 1.08.2017 г.

каз, в котором с 1630 по 1654 гг. было особое военное подразделение – греческая рота. С 1641 по 1671 гг. в Москве существовала Греческая слобода. Греческие колонии появлялись даже в Сибири, например, в Томске. Таким образом, можно утверждать, что греческие иммигранты оказывали влияние на развитие русского общества.

Ключевые слова: миграция, греки в России, религиозные преследования, социальный статус, дипломатические отношения.

Греческая эмиграция в Россию в период раннего Нового времени носила постоянный характер и прекращалась лишь в периоды острых политических конфликтов. Начало активных переселений относится к середине XVI в., когда Иван Грозный восстановил контакты с христианским Востоком. Вскоре возник план протектората над Дунайскими княжествами и в Россию стали перебираться дети господарей Молдавии и Валахии [33, с. 79–81]. По мнению Б.Н. Флори, причиной миграции стало подавление на этих землях антиосманских восстаний. Жители Дунайских княжеств видели в России силу, способную освободить их от турецкой власти [33, с. 79–81].

Миграция знати стала особенно заметна в период усиления позиций России. В конце XVI в., во время учреждения патриаршества при царе Фёдоре Иоанновиче приезжали потомки родовитых фамилий [33, с. 79–81]. Эта тенденция распространилась и на правление Бориса Годунова, а затем по инерции продолжилась и при Лжедмитрии I [33, с. 55–90].

Регулярные *выезды* второй половины XVI в. остановила лишь гражданская война эпохи Смуты. Восстановление русской государственности и утверждение династии Романовых породило новый приток православных выходцев из Османской империи.

В первые годы правления царя Михаила Фёдоровича в Россию снова стали прибывать единоверцы, чему в немалой степени способствовало возобновление русско-турецких дипломатических контактов. Греки, рассчитывавшие перебраться под «высокую государеву руку», стремились воспользоваться присутствием в Стамбуле русских дипломатов. Первое посольство 1613 г. под руководством стрелецкого головы Соловова Протасьева и дьяка Михаила Данилова, призванное известить Порту о восшествии на русский престол царя Михаила Фёдоровича, по возвращении привезло в русскую столицу иммигрантов [22, с. 83–88]. В дальнейшем поездки московских представителей всегда сопровождалась *выходами* на царскую службу [19, с. 88–89].

Турецкие посольства, особенно в случаях, когда во главе их стоял грек, также привозили многочисленных иммигрантов. Ярким примером служит деятельность Фомы Кантакузена, активно помогавшего православным соотечествен-

никам при переселении в Россию. Но и в свите турецких дипломатов приезжали в Москву греки, желавшие остаться в далёкой северной державе. Многие иммигранты перебирались в Московское государство в сопровождении греческих купцов-агентов русского правительства, таких как Иван Петров Тафрала (Иоанн Варда), или же греческих иерархов, направлявшихся в русскую столицу для сбора пожертвований. Эту ситуацию ёмко обобщили Алибеевы-Макидонские: «А они (греки – Т.О.) выехали на государево имя с турецкими послы и з гречеми властью и черницами, а служили оне в те поры у послов и у властеи. А иные выехали до Смоленске служить за долго и после смоленские службы вскоре» [48, л. 5].

В целом за рассматриваемый период в Россию переселились более 200 человек. Власти всячески поддерживали миграцию [4; 6; 7; 8; 9; 16; 32; 33; 34; 38]. В историографии ранее эту миграцию изучали, в первую очередь, в плане церковных и просветительских контактов [34, с. 459]. Но, безусловно, она включала более широкий спектр профессиональных страт [20]. В России выходцев разграничивали по принципу подданства, а затем – конфессии.

Мотивы выездов были самыми разнообразными. Миграция в Россию в большинстве своём была обусловлена внутренней ситуацией в Европе и Малой Азии, которая приводила к мощным миграционным процессам. Войны, религиозное давление вынуждали людей к самым непредсказуемым перемещениям. Миграция распространялась на лиц, потерявших социальный статус в своём государстве. Их гнало разорение и безземелье. На поиски счастья в ином государстве отправлялись люди, не сумевшие удержаться в социальной системе своего отечества. В пылу полемики Алибеевы-Макидонские характеризовали своих оппонентов: «А греченя – плохие люди, бродящие, убегают к государю от турецких людей и от своей бедности, что такие люди туркам (не хотят – Т.О.) подать платить» [48, л. 5].

Социальные мотивы тесно переплетались с конфессиональными. В числе внутренних причин миграции значительное место занимали религиозные преследования. В России нередко оказывались религиозные диссиденты и представители религиозных меньшинств. Иммигранты из Османской империи и подчинённых ей территорий рассчитывали найти в России возможность сохранения вероисповедания.

Почти все челобитные греков с просьбой о принятии русского подданства повторяют одну формулу: в документах доминирует конфессиональная линия. Греки выступают страдальцами за веру, гонимыми иноверными и инославными. Повторяющиеся рефреном просьбы отличались лишь стилистически: желая «пребывати в православной христианской вѣре», или «для береженья истинная православные крестьянские вѣры», или «и не хотя служити басорманскому турецкому царю и хотя умерети за государя и за православную крестьянскую вѣру» [44, л. 20], или «и не хотя быть в величестве и в чести и в славе и в богатстве у нечестивых агарян паче благочествья вѣры оскорблялся с великим воз-

дыханием» [46, л. 5], или «от державец (итальянских, испанских, Венецианской республики и других – Т.О.) был в великой чести и земли ть все обильны. Только они не имеют исправления истинныя христианские вѣры ... и я честь и славу к себе ни во что не положил, что они не имеют истинныя христианские веры. И после пожил в нашей земле в Цареграде и был на воеводствах ... и тою честью и добротой в нашей земле чтен был. Токмо в нашей земле царствуют враги безверные агаряне турки и от сего душа моя тому не поревнова, что мнѣ жити промеж их злых агарян» [52, л. 1], или «покидая земли, находящиеся под тиранией неверных, чтобы жить среди христиан, причислив себя к рабам святой царственности» [53, л. 1], или желая «поклониться христианской царственности, чтобы остаться жить в благочестии, поскольку неверными угнетаем род христианский, и все подвергаются постоянной опасности, так что и смерть лучше, чем такая жизнь» [54, л. 1], или «и ... будучи в своей Греческой земли для веры ради православные от безбожных многие беды и убытки терпел великие» [43, л. 1].

Таким образом, мотив религиозного преследования со стороны мусульман (а иногда и западных христиан) преобладал в прошениях о принятии русского подданства. Как явствует из челобитных, жѣсткое давление на родине и стало причиной переселения в Россию. Выезд в формулярах челобитных почти всегда рисовался как спасение православия, «веры греческой природной» [51, 49].

Многие челобитные о выезде на «государево имя» говорят о попытках насильственной исламизации или она выступает как свершившийся факт.

В 1632 г. выехал на государево имя стамбульский грек Дмитрий Николаев, за пять лет до того насильно обращѣнный в ислам турком, у которого он находился на службе [58, л. 133; 45, л. 12; 62, л. 1]. В 1641 г. грек Дмитрий Иванов сын Строчкий рассказал на расспросе в Разрядном приказе, что после смерти отца его «ненавистники вѣры христианской турчане бусурманили» [60, л. 327–328]. В 1644 г. грек Константин Иванов сообщил, что «иво нечестивыи турки бусурманили насильством» [50, л. 1–4; 55, л. 10–11]. Другим ярким примером служит история приехавшего в 1637 г. Дмитрия Палеолога. После смерти отца, который, по рассказу Дмитрия, был «воеводой» в Пелопоннесе, мальчик прошѣл путь *капыкуллари* – «раба султанского двора». Его взяли по системе *девширме* – «налогу крови», принудительному призыву мальчиков, прежде всего из знатных православных фамилий. Распространѣнная в Османской империи практика предполагала обязательную смену веры. Дмитрия обратили в ислам: «турской царь велел его обусурманить» [47, л. 2]; «обусурманили его турецкие люди смала» [49, л. 22–23]. Показание иммигранта подтверждал иерусалимский патриарх Феофан: «прежде бывал он православной христианин и для многих причин насильством его бусурманили» [47, л. 19]. После принятия ислама Дмитрия Палеолога под другим именем направили (видимо, для обучения) в специальную школу при султанском дворе. По завершении обучения он вступил на службу в привилегированный корпус янычар (турецкую регулярную пехоту): «и он обусурма-

нен служил турецкому царю» [47, л. 2]. Судя по словам иммигранта, он достиг высокого положения в султанской армии: «в Царегороде служил он турецкому царю головою у янычар в бусурманской вере» [47, л. 3]. Под фразой «голова у янычар» [47, л.1] (другой вариант «голова стрельцов» [47, л. 2]), скорее всего, следует понимать агу янычар. Позже Дмитрий Палеолог суммировал информацию о своём положении в Османской империи одной фразой: «служил я турецкому царю в чести» [48, л. 102].

Вероятно, схожая история произошла с Юрием Лазоревым Великомировым, приехавшим в 1644 г. и назвавшимся сербским князем [56, л. 1–26]. В Посольском приказе говорил о насильственном изменении веры: «А в Турской земле бусурманил меня визирь Мустафа-паша невольством». В России большинство иммигрантов называло себя жертвами гонений, а мотивом переселения обозначали стремление вернуться в православие.

Это полностью соотносилось с позицией русских властей по обязательному вхождению в Московскую церковь бывших подданных султана. Все иммигранты из Османской империи обязательно становились членами приходов русской церкви.

Православные иных стран бежали для спасения веры в единственную единоверную суверенную державу. Они находили в Москве защиту от религиозных преследований со стороны католиков, униатов и мусульман, но подвергались «очищению». Представителей немосковских православных церквей в России возвращали к истинному благочестию.

К грекам относились как к гонимым единоверцам, страдальцам за православие, а Россия выступала покровительницей и защитницей преследуемых. Московское государство мыслилось главой и последним оплотом православного мира, которое принимает всех единоверных и возвращает их к истинному благочестию. К грекам, как к насильно обращённым, применялся второй чин присоединения к православию – миропомазание. В русских документах он назывался *исправление веры* [18, с. 288–325]. Важно подчеркнуть, что конфессиональные «очищения» никак не влияли на положение иммигрантов в русском обществе и ни в коей мере не были «бесчестьем». Новообращённый мог войти в русскую среду с очень высоким статусом.

Помимо конфессионального в миграции прослеживается и сословный фактор. Присутствие дворян-чужестранцев повышало престиж принявшей их державы. Вокруг царского двора собирались потомки родовитых фамилий. Приток дворян из других государств в Московию происходил и ранее, но в рассматриваемый период он заметно вырос. В русское дворянское сословие вливались представители знати (или выдававшей себя за таковую) бывшей Византийской империи. Им отдавалось предпочтение по сравнению с русскими дворянами из уездного дворянства или непривилегированных сословий.

Миграция порождала появление новых дворянских родов [14; 15, с. 555–586]. Для этого необходимо было подробно выяснить происхождение иммигранта.

Порядок принятия русского подданства был строго расписан. При вступлении в границы Московского государства «греки» проходили допросы в приграничных городах (Путивле, Рыльске, Севске, Воронеже, Астрахани, Архангельске). Каждый «иноземец», изъявивший желание жить в России, писал челобитную о «выезде на имя государя». Получив из Москвы согласие, в сопровождении приставов он достигал русской столицы, где мог оказаться в двух инстанциях: Посольском или Разрядном приказах. Там *выезжий* иноземец давал показания о собственной биографии, положении своей семьи на родине, роду деятельности; желательными были рекомендательные письма (*свидетельствованные грамоты*) и подтверждения осевших в России соотечественников (*знатцов*).

Таким образом, при определении социального статуса и, соответственно, размера жалований, выяснялись происхождение и предшествующая деятельность иммигранта.

В Российском государстве рассматриваемого периода статус человека определяла родовитость. Иерархическая система Московского государства, основанная на сословных ценностях, открывала широкие возможности иммигрантам, сумевшим доказать принадлежность к привилегированному сословию. При наличии весомых аргументов своей родовитости иммигранты могли рассчитывать на вступление в Государев двор, вхождение в состав московского дворянства и даже утверждение княжеского титула.

Нобилитации в России того периода не существовало. Царь не награждал званиями своих подданных – как старых, так и новых. С титулом можно было родиться, но его нельзя было приобрести. Государь лишь подтверждал статус иммигранта. Если звание иностранца на родине как владельца определённого региона (или его потомка) считалось сопоставимым с русским титулом, то иммигранта приравнивали по знатности к древнейшим русским родам (что совсем не означало наделения богатствами).

Но главная проблема заключалась в том, что к XVII в. христианская знать в Османской империи, если не эмигрировала, то была практически полностью уничтожена, низведена до уровня всего христианского населения. Потомки родовой знати Византии – фанариоты, элита Валахии и Молдавии – скорее ассоциировали себя с древними родами, чем реально им наследовали (напр., Кантакузины и Кантакузены). Это признавали и сами иммигранты, заявляя, что после падения Византии представители императорских родов лишились привилегированного положения: «А как турки Царь-город взяли и Греческою землею овладели, и роды их (императоров – Т.О.) ... почели быти да и ныне в простых людех» [59, л. 503]. Древние роды измельчали и захирели.

Однако русские власти рассчитывали видеть в иммигрантах представителей знатных семей.

Ещё с XVI в. в состав Государева двора при царе Фёдоре Иоанновиче вошли потомки воеводы Фессалоник Дмитрий Аргилев Селунский и троих его сыновей [33, с. 79–81]. В то же царствование в 1591–1592 гг. в России оказался сын

воеводы Мануил Маскополов (Москополов, Мускополович), которого «Новый летописец» назвал «родичем греческих царей» [26, с. 32; 11, с. 15–17; 33, с. 79–81]. В свите Мануила Маскополова в Москву приехал Иван Константинов, чуть позже в русских документах именовавшийся Палеологом [41, л. 122]. Переселения «греческой» знати продолжались и при Лжедмитрии I. В 1605 г. в Россию перебрались Андрей Раль (Ралли), очевидно, родственник митрополита Дионисия Ралли [31, с. 55–90], а также Мануил Кантакузин-Палеолог [23; 33, с. 79–81]. Иммигранты стали равноправными членами русского привилегированного сословия. В боярских списках их имена никак не отделялись от русских дворян, но пережить Смуту и продолжить свой род удалось лишь наследникам Дмитрия Аргилова Селунского [2; 25, с. 377–382].

Несмотря на широкие масштабы исламизации в Османской империи и пресечение древних христианских родов, «греческие» выходцы преобладали среди других иммигрантов по числу лиц, достигших на новой родине высокого статуса и наделённых княжеским титулом. Если среди западноевропейцев и выходцев из Речи Посполитой за первую половину XVII в. княжеского достоинства удостоилось всего двое, то среди «греков» (значительно уступавших по общей численности) – семеро. Князьями в России стали Иван и Павел Альбертусы-Долмацкие, Михаил и Степан Милорадовы (не состоявшие друг с другом в родстве), Мануил Филадельфийский, Юрий Лазорев Великомиров, Алибеевы-Макидонские.

В Россию приезжали не только «архонты», «базилевсы» и их потомки. После падения Византии уничтожались не только императорские роды, но и в целом всё христианское сословие. В составе военно-служилого сословия Османской империи христиан не должно было быть. В XV в. на окраинах империи, на Балканском полуострове, в Северной Греции сохранялось ещё значительное число христиан-спахий [37, с. 184–197]. Как единичные случаи дворяне-христиане владели на правах условного пользования именьями в XVI и даже XVII вв. Вероятно, именно поэтому категория сипахи не вызывала подозрений у чиновников Посольского приказа. Очень многие иммигранты определяли своё социальное положение как «спаги, а по-русски служилые дети боярские» [6]. Не исключено, что многочисленные «спаги» всё же что-то скрывали от русских властей: или завывали свой социальный статус, или были мусульманами. Об этом говорил, в частности, русский посол Пётр Мансуров (посольство 1620 г.), рекомендуя приехавших с ним «греков». Он был уверен, что они все «гречане православные хрестьянские вьры ... а службы никакие хрестьяне с турскими людьми не служат, окроме тех, которые збусурманятыся». Он рассказывал, что по законодательству Османской империи христиане не имели права состоять на государственной службе и даже очень родовитые могли сохранить веру лишь занимаясь торговлей [42, л. 7]. Это подтверждал в 1648 г. и Юрий Константинов сын Карапиперов, убеждая, что никто из знатных «греков» не мог сохранить своих наследственных владений: «а за которыми де гречены в прежние времена

и были поместья, и у них поимали за себя турки, а греченом поместьями владеть не дали» [52, л. 3]. Поскольку занятие торговлей, с точки зрения властей большинства стран, не относилось к деятельности благородного сословия, иммигранты предпочитали говорить о себе и своих родителях как о «служилых людях» или о «воеводах» и «городничих».

Такие иммигранты могли обладать греческими рекомендательными грамотами, которые в России высоко ценились. Княжеского титула удостаивались единицы, остальные признанные родовитыми иностранцы получали звание дворян по московскому списку. Их зачисляли в Разрядный приказ и записывали в боярский список. В середине 20-х гг. XVII в. изменился состав Государева двора, в нём появилась особая группа московских дворян-иноземцев [1, с. 55–56]. За первую половину XVII столетия в неё вошли более десятка «греческих» иммигрантов.

Помимо древней родословной и титула (подлинного или мнимого), положение иммигрантов в России определяли профессиональные навыки. Иностранцы, обладавшие востребованными в России профессиями (врачи, рудознатоцы, ювелиры, артиллеристы, инженеры и др.), зачислялись в Аптекарский и Пушкарский приказы, Царские мастерские палаты. Страна нуждалась в специалистах, и власти старались привлечь иностранцев на русскую службу. Правда, среди «греческих» светских иммигрантов подобных специалистов практически не было. К середине XVII в. в России находился лишь один «греческий» врач – Дмитрий Селунский, и один иконописец Оружейной палаты – Апостол Юрьев [5; 24; 27; 29; 30].

Чаще всего «греческие» иммигранты поступали на военную службу. Не попавшие в дворянское сословие выходцы из Османской империи и вассальных ей государств направлялись в Иноземский приказ. В это военное ведомство попадали не только наёмники или представители служилого сословия иных стран, но и все иммигранты, не имевшие рекомендательных и свидетельствованных грамот, и, как следствие, не записанные в боярские списки или узкопрофессиональные приказы. К примеру, в Иноземский приказ был зачислен далёкий от военной службы человек – православный еврей Аврам Селунский, в крещении Ивана [17, с. 132–150].

Количество иммигрантов резко увеличилось в преддверии Смоленской войны (1632–1634 гг.), когда в России активно шла военная реформа. «Полки нового строя», находившиеся в ведении Иноземского приказа, переформировывались и стремительно увеличивались. В 1630 г. было выделено специальное подразделение бывших подданных Османской империи и вассальных ей государств: «греческая рота» [28]. Её возглавил Николай Мустофин, чуть позже – Николай Шабанов, а затем – Фёдор Сулейманов (судя по патронимам «Мустафа», «Шабан» и «Судейман», они имели на родине мусульманские имена), которого сменил Юрий Трапезундский. «Греческая рота» просуществовала до середины XVII в.

Другим вариантом государственной службы для «греческих» иммигрантов стала переводческая деятельность. Устные и письменные переводчики с греческого языка в Посольском приказе могли быть сумевшими бежать на родину бывшими русскими пленниками, выучившими язык в период рабства в Османской империи, либо этническими греками или сербами. Большинство последних зачислялись в Посольский из Иноземского приказа. Распространённой практикой того времени был путь иностранцев из Иноземского в Посольский приказ [12; 13]. На военной службе, зачастую в полевых условиях, выходцы из Османской империи и вассальных ей государств получали навыки устной речи и, войдя в языковую среду новой родины, сменяли род деятельности. За отсутствием документов для получения дворянства наиболее заманчивой перспективой служилого военного иностранца был переход в дипломатическое ведомство. При любой возможности иммигранты стремились сменить армейскую службу на переводческую. Для этого требовалось пройти своеобразный экзамен на свободное владение русским языком. Существовала необходимость не только в устных, но и в письменных переводах. Где и как происходило обучение русской грамоте, кто был наставником иммигрантов, неизвестно. Сохранилось уникальное свидетельство об одном необычном способе обучения русской грамоте. Мануил Филладельфийский, при *выезде* сообщивший, что он *кирица* (князь), но записанный как «клирик», был направлен в Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь. В обители он находился шесть лет то ли в качестве оглашенного, то ли послушника, то ли церковного служки. Выучив язык и покинув монастырские стены, «грек» добрался до Москвы и был зачислен в Посольский приказ. Позже с помощью греческих грамот он доказал принадлежность к княжескому роду и получил в России искомый титул [19, с. 88–89; 20].

Присутствие значительного числа иммигрантов из Османской империи и вассальных ей государств породило формирование землячества, которому оказывали поддержку греческие купцы [39, с. 354–357] (они не были иммигрантами, но в качестве агентов пользовались большим авторитетом у властей). В первой половине XVII в. признанными лидерами греческого землячества были келарь Новоспасского монастыря Иоанникий [36], а после его кончины в 1630 г. – князь Иван Альбертус Далмацкий [10]. «Греческую» общину нередко раздирали споры и противостояния, в ней вспыхивали судебные конфликты, отражавшие соперничество за лидерство внутри общины. Все *изветы* властям исходили из собственной среды. С родом князей Альбертусов за главенство в землячестве успешно боролись князья Алибеевы-Макидонские. Огромное влияние на бывших соотечественников имели ротмистры, например, Юрий Трапезундский.

Распределённые на службе по профессиональным группам, при расселении иммигранты объединялись властями по бывшему подданству. По мере расширения греческого землячества, выходцы из Османской империи и вассальных государств образовали колонию – Греческую слободу. Она была сформирована в 1641 г. за пределами Москвы, в Заяузье, недалеко от Андрониевского монасты-

ря и просуществовала до 1671 г. [40, с. 199, 201]. Её центром стал храм Св. Троицы. Жителей объединял также слободской храм Святого Николая на Ямах, где главой прихода некоторое время был священник Иван Трофимов. Греческая слобода была населена военными, толмачами и переводчиками. Колония представляла собой круг теснейшим образом связанных между собой иммигрантов: «А живут ... они все в единой слободе, пьют и ядят вместе, кумовство и сватовство у них заодно» [48, л. 6].

Греческие колонии появлялись не только в Москве. Население окраин Московского государства пополняли греки, попавшие под наказания. Удивительна история «греческого» купца Николая Христофорова, разработавшего под впечатлением взятия Азова план освобождения Константинополя [21, с. 228–246]. Николай Христофоров приехал в Россию, чтобы предложить московскому правительству свой проект захвата Царьграда и передачи его под власть русского царя. Из опасения, что этот проект может повлечь за собой авантюру с участием донских казаков, за которой последуют срыв русско-османских переговоров и опустошительные набеги крымских татар, по решению царя Алексея Михайловича греческого купца сослали в сибирскую Мангазею, бежать откуда было невозможно [61, л. 49]. Для большинства греческих иммигрантов местом ссылки был Томск.

Наполнение страны разноликими и разноязычными иностранцами обогатило её опыт. Иммигранты вносили неповторимый вклад в развитие Московского государства и расширение его границ. Греческие духовные лица сохраняли роль учителей веры. Они выступали непременными арбитрами во всех богословских спорах. Присутствие «греков» в России рассматривалось показателем престижа, значимости Московской церкви.

Светские иммигранты пополняли Государев двор, штат Иноземского и Посольского приказов. Участие родовитых греков заметно не только в придворном церемониале, боевых сражениях, военных походах и дипломатических контактах, но и в развитии книжной культуры. Князь Иван Альбертус стал автором первого теоретического труда по геометрии в России. По царскому заказу он перевёл с английского языка на русский математический трактат. Его двоюродный брат Дмитрий Альбертус был приглашён для ведения богословских споров с пастором датского графа Вальдемара [3, с. 53–63; 36].

Греческое землячество представляло собой сообщество очень колоритных личностей, имевших разнообразный цивилизационный опыт. Вечные странники, «греки» нередко прибывали в Россию, посетив до этого многие страны. География их путешествий иногда невероятна. Во время многолетних странствий многие иммигранты сумели обогнуть континент, пройти из южных морей вдоль берегов Европы, а затем попасть в Россию через Северный морской путь. Список промежуточных перед Россией пунктов включал Алжир, Испанию, Фландрию, Голландию, Англию, Францию, Гамбург, Варшаву, Молдавское и Валахские княжества. Судьбы греческих иммигрантов, наполненные удиви-

тельными авантюрами, видимо, отражают не только склонности натуры, но и реалии Западной Европы и Малой Азии того времени. Сложнейшие миграции порождали непредвиденные перемещения людей.

Среди иммигрантов с пёстрой биографией выделяется выходец из Янины Юрий Константинов сын Карапиперов. До выезда, судя по скаске, его жизнь состояла из постоянной смены государств [52, л. 1, 3, 4, 12]. На допросе в Посольском приказе он рассказал, что бывал на воеводствах в Османской империи, жил в Венецианской республике, в Италии и Испании. Занимаясь купеческой деятельностью, Юрий Константинов стал одним из постоянных агентов русского правительства, поставлял сведения о ситуации в других странах сам и передавал вестовые письма своего двоюродного брата Ивана Петрова Тафрали (Иоанна Варды). В 1648 г. он принял русское подданство, исполняя при этом обязанности посредника между Москвой и ставкой Богдана Хмельницкого. И этот пример отнюдь не уникальнейший.

Хоть и не самая многочисленная группа иммигрантов в России, «греки», безусловно, были наиболее яркими и запоминающимися.

Список литературы

1. Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–56.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа. Сост. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский, В.И. Буганов. М.: ЦГАДА, 1979. Ч. 1. 188 с.
3. Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М.: Типография А. И. Снегиревой, 1891. 384 с.
4. Димитријевић С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд: Srpska kraljevska akademija i negovanje jezika srpskog, 1922. Т. 53 (45). С. 53–63.
5. Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела // И.Е. Забелин // Записки имп. Археологического общества. М.: Императорское Русское Археологическое Общество, 1853. 101 с.
6. Захарьина Н.С. Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию в первой половине XVII в. в фондах Посольского приказа // Связи России с народами Балканского полуострова. М.: Наука, 1990. С. 194–209.
7. Исторические связи СССР и Румынии. М.: Наука, 1965. Т. 1. 367 с. Т. 2. 451 с.
8. Каптерев Н.Ф. Приезд в Москву за милостыней сербских иерархов разных кафедр и настоятелей сербских монастырей в XVI, XVII и начале XVIII столетий // Прибавление к Творениям Св. Отцов. Т. 2. № 48. С. 461–576.
9. Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к Православному Востоку в XVI XVII столетиях. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1914. 580 с.
10. Кошелева О.Е., Симонов Р.А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и её автор // Книга, исследования и материалы. Сб. 42. М.: Всесоюз. кн. Палата, 1981. С. 63–73.
11. Кобеко Д.Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // Известия русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1911. С. 15–17.
12. Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Брянск, 2007. 586 с.
13. Куненков Б. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приёма. URL: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=50> (дата обращения: 07.07.2017).

14. Лаптева Т.А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 1994. Вып. 5. С. 109–127.
15. Лаптева Т.А. Новые дворянские роды в России в XVII в. // Памяти Лукичева. Сб. ст. по истории и источниковедению. М.: РГАДА, 2006. С. 555–586.
16. Москва – Сербия. Белград – Россия: сб. документов и материалов. Т. 1: Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. / сост.: С. Долгова, Е. Иванова и др. М. – Белград, 2009. 669 с.
17. Опарина Т.А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в. (Толмач Посольского приказа Иван Селунский) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М.: Сэфер, 2003. С. 132–150.
18. Опарина Т.А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 288–325.
19. Опарина Т.А. Документы о миграции «греков» в фондовых коллекциях Российского государственного архива древних актов (I-ая половина XVII в.) // К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского. Четвёртые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М.: Институт всеобщей истории, 2006. С. 88–89.
20. Опарина Т.А. Просопография греческих иммигрантов в России (первая половина XVII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. XXVII международная научная конференция. К 85-летию Историко-архивного института. К 75-летию кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Москва, 9–11 апреля 2015 г. С. 341–343.
21. Опарина Т.А. От Царьграда до Мангазеи: сибирская ссылка для «освободителя» Константинополя // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 228–246.
22. Опарина Т.А. Миграция в Россию из Османской империи и её вассальных государств в 10-е гг. XVII в. // Каптеревские чтения. Вып. 13. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 83–88.
23. Опись Посольского приказа 1626 г. / под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М.: ЦГАДА, 1977. 528 с.
24. Павленко А.А. Новые архивные материалы о греческих художниках в России XVII в. // Филевские чтения. Вып. 10. М.: Центральный музей, 2003. С. 377–382.
25. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. Спб.: Наука, 1992. 279 с.
26. ПСРЛ. Т. 14. М.: ЯРК, 1965. С. 32.
27. Селезнёва И.А. Золотая и серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские в XVII в. М.: Древлехранилище, 2001. 254 с.
28. Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном Разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России XV – XVII вв. Материалы международной конференции. М.: РГАДА, 2006. С. 292–302.
29. Троицкий В.И. Организация золотого и серебряного дела в Москве XVII века // Исторические записки. М.: АН СССР, 1941. Т. 12. 195 с.
30. Успенский А.И. Государев иконописец Апостол Юрьев. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. 23 с.
31. Ульяновский В.И. Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии/посольства, проблема восприятия власти, символика даров // Studia Slavica et Balconica Petropolitana. СПб.: СПб. ун-т. 2012. № 2 (12). С. 55–90.
32. Флоря Б.Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI – начало XVII в.) // Балканские исследования. М.: Наука, 1978. Вып. 3. С. 57–63.
33. Флоря Б.Н. Молдавская, валахская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI-начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев: АН МССРЮ Ин-т истории им. Я.С. Гросула, 1983. С. 79–81.
34. Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV–начале XVIII в. М.: Индрик, 2003. 459 с.
35. Фонкич Б.Л. Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Т. 10. М.– Спб.: Едиториал УРСС, 2006. С. 85–110.
36. Цветаев Д.В. Памятники к истории протестантизма в России. М.: В Университетской типографии, 1882. Вып. 1. 25 с.
37. Цветкова Б.А. Новые данные о христианах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства // Византийский

- Временник. Т. 13. М.: АН СССР, 1958. С. 184–197.
38. Ченцова В.Г. Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М.: Индрик, 2010. 416 с.
39. Чеснокова Н.П. Материалы Посольского приказа о пребывании в России греческих купцов 40–60 гг. XVII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источникововедения. 17-е Чтения памяти член.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 4-е Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. Тезисы докладов. М.: Ак. наук, 2005. Ч. 2. С. 354–357.
40. Шахова А.Д. Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 199, 201.
41. РГАДА. Ф. 35, оп. 1. № 52. Л. 119–122.
42. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1620, № 2. Л. 7.
43. РГАДА. Ф. 52, оп. 1. 1631, № 9. Л. 1.
44. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1632, № 14. Л. 20.
45. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1632, № 17. Л. 12.
46. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1634, № 14. Л. 5.
47. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1637, № 6. Л. 2, 19, 1–26.
48. РГАДА. Ф. 52, оп. 1. 1643. № 1. Л. 5
49. РГАДА. Ф. 150. 1644, № 1. Л. 22–23.
50. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1646, № 8. Л. 1–4.
51. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1647, № 16. Л. 49.
52. РГАДА. Ф. 52, оп. 1, 1648, № 39. Л. 1, 3–4, 12.
53. РГАДА. Ф. 52, оп. 2, 1656, № 555. Л. 1.
54. РГАДА. Ф. 52, оп. 2, 1656, № 554. Л. 1.
55. РГАДА. Ф. 68. 1644, № 3. Л. 10–21;
56. РГАДА. Ф. 150. 1637. № 3. Л. 1.
57. РГАДА. Ф. 150, 1644, № 1. Л. 1–28;
58. РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 75. Л. 133.
59. РГАДА. Ф. 210, оп. 13, стб. 37. Л. 503.
60. РГАДА. Ф. 210, оп. 13, стб. 260. Л. 327–328.
61. РГАДА. Ф. 214, оп. 3. Стб. 322. Л. 49.
62. РГАДА. Ф. 396, оп. 1, № 2007. Л. 1.

Об авторе:

Татьяна Анатольевна Опарина – к.и.н., декан Факультета искусствоведения Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (РАЖВиЗ Ильи Глазунова), профессор кафедры всеобщей истории. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая 21. E-mail: t-a-opar@yandex.ru.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, 12-21-14001.

SECULAR GREEK MIGRATION TO RUSSIA OF THE END OF XVI – FIRST HALF XVII CENTURIES

T.A. Oparina
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-47-64

Academy of painting, sculpture and architecture

The article is devoted to the issue of migration in Russia in the Early-modern time the Orthodox subjects of the Ottoman Empire and its vassal States. It presents the dynamics of migration, the analysis of its causes, revealed the social origins of immigrants, studied the place which they received in Russian society. Found that the Russian government was interested in migration. The Greeks always were readily accepted in Russia and received Russian citizenship. The Russian government was guided by several motives. In the first place, the government proceeded from the doctrine of Moscow as the III Rome. The concept was laid on the Russian Tsar functions of the Byzantine Emperor. After the fall of Byzantium the mission the only Orthodox sovereign ruler – Moscow Tsar, was the defense of Orthodoxy and the salvation of believers. Using Greek migration was implemented a complex of Messianic beliefs

about Holy Russia. In addition, the migration was allowed to expand the Russian privileged class for the former nobility of Byzantium, as well as to replenish the ranks of specialists in military affairs. The motives of the resettlement of the Greeks themselves in the first place were religious. The threat of Islamization sounded like the main reason for their desire to stay in Russia. The authorities have always responded to such requests. As a result, Russia moved more than 200 people. The most intensive migration was purchased in periods of close diplomatic relations between the Russian and Greek parties: when adopting an Imperial title, the establishment of the Patriarchate and preparation for the Smolensk war (1632–1634), the Church ritual reforms of Patriarch Nikon. Social origins of immigrants have varied greatly. It was the inhabitants of the Danubian principalities, who were captured by the Tartars; the military rank of the Ottoman army, merchants, artisans, members of the families of the Turkish authorities, landowners, representatives of Byzantine aristocratic dynasties, the relatives of the higher Greek clergy. They all had the opportunity to obtain a recommendation letter of the patriarchs of the Christian East. This document was created by the possibility to obtain the rank of Moscow nobleman. In the period under review, more than two dozen immigrants entered the Czar's court; seven of them have confirmed the title of Prince. About ten immigrants have become translators of the Diplomatic department. Other immigrants enrolled in the Department for Foreigners serviceman, where from 1630 to 1654 was a special military Greek company. From 1641 to 1672 in Moscow there was a Greek settlement. Greek colonies appeared even in Siberia, for example, in Tomsk. Greek immigrants have influenced the development of Russian society.

Key words: Russian-Greek relations Migration religious persecution social status diplomatic affairs.

References

1. Belousov M.R. Inozemtsy v boiarskikh spiskakh serediny XVII v. [Foreigners in the boyars' lists in the middle of XVII century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. Kazan', Kazanskii gos. un-t im. V.I. Ul'ianova-Lenina, 2014, vol. 156, book 3, pp. 55–56. (In Russian)
2. *Boiarskie spiski poslednei chetverti XVI – nachala XVII vv. i rospis' russkogo voiska 1604 g. Ukazatel' sostava Gosudareva dvora po fondu Razriadnogo prikaza*. [Boyar lists the last quarter of XVI – early XVII centuries and count of the Russian army in 1604 Index of personner of the Tsar's court]. S.P. Mordovina, A.L. Stanislavskii, V.I. Buganov. Moscow, TsGADA Publ., 1979. Ch. 1. 188 p. (In Russian)
3. Golubtsov A.P. *Preniia o vere, vyzvannye delom korolevicha Valdemara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [The icon of the Iverian Mother of God (Essays on the history of the relations of the Greek Church of Russia in the middle of XVII century according to the documents of RGADA)]. Moscow, Tipografiia A. I. Snegirevoi, 1891. 384 p. (In Russian)
4. Dimitrijevič S. *Graha za srpsku istoriju iz ruskikh arkhiva i biblioteka. Spomenik Srpske Kraljevske Akademije*. Beograd, Srpska kraljevska akademija i negovanje jezika srpskog Publ., 1922. Vol. 53 (45). Pp. 53–63. (In Russian)
5. Zabelin I.E. *Istoricheskoe obozrenie finiftianogo i tseninnogo dela* [Historical review finifter and ceramic crafts]. *Zapiski imp. Arkheologicheskogo obshchestva*. Moscow, Imperatorskoe Russkoe Arkheologicheskoe Obshchestvo Publ., 1853. 101 p. (In Russian)
6. Zakhar'ina N.S. *Materialy po istorii svetskoi emigratsii iz Balkan v Rossiuu v pervoi polovine XVII v. v fondakh Posol'skogo prikaza* [Materials on the history of secular emigration from the Balkans to Russia in the first half of the XVII century in the collections of the Diplomatic Department]. *Sviazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova* [Russia's ties with the peoples of the Balkan Peninsula]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Pp. 194–209. (In Russian)
7. *Istoricheskie sviazi SSSR i Rumynii*. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. 1. 367 p. Vol.

2. 451 p. (In Russian)
8. Kapterev N.F. Priezd v Moskvu za milostynei serbskikh ierarkhov raznykh kafedr i nastoiatelei serbskikh monastyrei v XVI, XVII i nachale XVIII stoletii [The arrival in Moscow for alms Serbian hierarchs of the different departments and abbots of the Serbian monasteries in the XVI, XVII and XVIII centuries]. *Pribavlenie k Tvoreniiam Sv. Ottsov*. Vol. 2. No. 48. Pp. 461–576. (In Russian)
 9. Kapterev N.F. *Kharakter otnosheniia Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI XVII stoletiiakh* [The relationship of Russia to the Orthodox East in the XVI – XVII centuries]. Sergiev Posad, Tip. Sv.-Troits. Sergievoi lavry, 1914. 580 p. (In Russian)
 10. Kosheleva O.E., Simonov R.A. Novoe o pervoi russkoi knige po teoreticheskoi geometrii i ee avtor [New about the first Russian book on the theory of geometry and its author]. *Kniga, issledovaniia i materialy* [The Book. Researches and materials]. Vol. 42. Moscow, Vsesoiuz. kn. Palata, 1981. Pp. 63–73. (In Russian)
 11. Kobeko D.F. Voloshskii voevodich Stepan Aleksandrovich. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*. Iss. 4. St. Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk, 1911. Pp. 15–17. (In Russian)
 12. Kunenkov B.A. *Posol'skii prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo* [Diplomatic department in 1613–1645: structure, employees, records management]. Phd diss. Briansk, 2007. 586 p. (In Russian)
 13. Kunenkov B. *Perevodchiki i tolmaci Posol'skogo prikaza vo vtoroi chetverti XVII v.: funktsii, chislennost', poriadok priema* [Translators and interpreters of the Diplomatic department in the second quarter of the XVII century: functions, number, the order of reception]. Available at: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50> (Accessed: 07.07.2017). (In Russian)
 14. Lapteva T.A. Dokumenty Inozemnogo prikaza kak istochnik po istorii Rossii KhVII v. [Documents of Foreign's prikaz as a source on Russian history of the XVII century]. *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 1994. Iss. 5. Pp. 109–127. (In Russian)
 15. Lapteva T.A. Novye dvoriarskie rody v Rossii v XVII v. [New noble families in Russia in the XVII century]. *Pamiati Lukicheva*. Sb. st. po istorii i istochnikovedeniiu. [In memorial of Lukichev. A book of articles on history and source studies]. Moscow, RGADA Publ., 2006. Pp. 555–586. (In Russian)
 16. *Moskva – Serbiia. Belgrad – Rossiia: sb. dokumentov i materialov* [Moscow – Serbia. Belgrad – Russia: collection of documents and materials]. Vol. 1: Obshchestvenno-politicheskie sviazi XVI–XVIII vv. [Social-political linkages]. S. Dolgova, E. Ivanova. Moscow, Belgrad, 2009. 669 p. (In Russian)
 17. Oparina T.A. Integratsiia evreia v russkoe obshchestvo serediny XVII v. (Tolmach Posol'skogo prikaza Ivan Selunskii) [The integration of Jew into Russian society of the mid XVII century (Ivan Selynsky – the interpreter of Diplomatic Department)]. *Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga* [Ours or others? The Jews and the Slavs through the eyes of each other]. Moscow, Sefer Publ., 2003. Pp. 132–150. (In Russian)
 18. Oparina T.A. «Ispravlenie very grekov» v russkoi tserkvi pervoi poloviny XVII v. [«Purification the faith of the Greeks» in the Russian Church the first half of the XVII century]. *Rossiia i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. II–III. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. Pp. 288–325. (In Russian)
 19. Oparina T.A. Dokumenty o migratsii «grekov» v fondovykh kollekttsiakh Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov (I-aia polovina XVII v.) [Documents on Greek migration in the Russian state archive of ancient acts (First half of the XVII century)]. *K 350-letiiu poseshcheniia patriarkhom Makariem Antiokhiiskim i arkhidiakonom Pavlom Aleppskim Moskvyy. Istoricheskie traditsii rusko-siriiskikh kul'turnykh i dukhovnykh sviazei: missiia antiokhiiskogo patriarkha Makarii i dnevniki arkhidiakona Pavla Aleppskogo. Chetvertye chteniia pamiati professora Nikolaia Fedorovicha Kaptereva* [The fourth reading in memory of Professor Nikolay Fedorovich Kapterev]. Mos-

- cow, Institut vseobshchei istorii Publ., 2006. Pp. 88–89. (In Russian)
20. Oparina T.A. Prosopografiia grecheskikh immigrantov v Rossii (pervaia polovina XVII v.) [Prosopography of Greek immigrants in Russia (the first half of the XVII century)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovaniia i perspektivy razvitiia. XXVII mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. K 85-letiiu Istoriko-arkhivnogo instituta. K 75-letiiu kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin* [Historical disciplines and source study: current research and prospects for development. XXVII international scientific conference.]. Moscow, 09–11.04.2015. Pp. 341–343. (In Russian)
 21. Oparina T.A. Ot Tsar'grada do Mangazei: sibirskaiia ssylka dlia «osvoboditelia» Konstantinopolia [From Constantinople to Mangazeya: Siberian exile for «liberator» of Constantinople]. *Rossia i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. IV–V. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015. Pp. 228–246. (In Russian)
 22. Oparina T.A. Migratsiia v Rossiuu iz Osmanskoi imperii i ee vassal'nykh gosudarstv v 10-e gg. XVII v. [Migration to Russia from the Ottoman Empire and its vassal states in the 10-ies. XVII century]. *Kapterevskie chteniia* [Kapterew readings]. Iss. 13. Moscow, IVI RAN Publ., 2015. Pp. 83–88. (In Russian)
 23. *Opis' Posol'skogo prikaza 1626 g.* [The Inventory of the ambassadorial order of 1626]. Ed. by S.O. Shmidt. Part 1. Moscow, TsGADA Publ., 1977. 528 p. (In Russian)
 24. Pavlenko A.A. Novye arkhivnye materialy o grecheskikh khudozhnikakh v Rossii XVII v. [New archival materials about Greek painters in Russia of the XVII century]. *Filevskie chteniia* [Filevsky's Readings]. Iss. 10. Moscow, Tsentral'nyi muzei Publ., 2003. Pp. 377–382. (In Russian)
 25. Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaia bor'ba pri Borise Godunove [Gosudarev Dvor and political struggle under Boris Godunov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 279 p. (In Russian)
 26. PSRL [Full Collection of Russian Annals]. Vol. 14. Moscow, IaRK Publ., 1965. P. 32. (In Russian)
 27. Selezneva I.A. *Zolotaia i serebrianaia palaty. Kremlevskie dvortsovyie masterskie v KhVII v.* [Tsar's Gold and Silver crafts]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2001. 254 p. (In Russian)
 28. Skobelkin O.V. Sluzhba inozemtsev v Ukrainnom Razriade v 20-kh gg. XVII v. [Service of foreigners in Ukraine the Discharge in the 20-ies of XVII century]. *Inozemtzy v Rossii XV – XVII vv. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Foreigners in Russia XV–XVII. Proceedings of the international conference]. Moscow, RGADA Publ., 2006. Pp. 292–302. (In Russian)
 29. Troitskii V.I. Organizatsiia zolotogo i serebrianaia dela v Moskve KhVP veka [The Organization of the gold and silver crafts in Moscow XVII century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1941. Vol. 12. 195 p. (In Russian)
 30. Uspenskii A.I. *Gosudarev ikonopisets Apostol Iur'ev* [The Tsar's icon's master Apostle Iur'ev]. Moscow, t-vo tip. A.I. Mamontova, 1901. 23 p. (In Russian)
 31. Ul'ianovskii V.I. Pravoslavnyi Vostok i Moskovskoe tsarstvo v nachale Smuty: dukhovnye missii / posol'stva, problema vospriiatii vlasti, simbolika darov [The Orthodox East and Muscovy in the beginning of the Time of Troubles: the church Embassies, the problem of perception of the power, the symbolism of the gifts]. *Studia Slavica et Balconica Petropolitana*, 2012, № 2 (12), pp. 55–90. (In Russian)
 32. Floria B.N. Vykhodtsy iz balkanskikh stran na russkoi sluzhbe (konets XVI – nachalo XVII v.) [Immigrants from Balkan countries in the Russian service (the end XVI – beginning XVII century)]. *Balkanskii issledovaniia* [Balkan studies]. Moscow, Nauka Publ., 1978. Iss. 3. Pp. 57–63. (In Russian)
 33. Floria B.N. Moldavskaiia, valashskaia i grecheskaia feodal'naia emigratsiia v Russkom gosudarstve vtoroi poloviny XVI-nachala XVII vv. [Moldavian, Wal-lachian and Greek feudal migration in the Russian state in the second half of XVI — early XVII centuries]. *Problemy istochnikovedeniia Moldavii perioda feodalizma i kapitalizma* [Problems of source studies of Moldova period of feudalism

- and capitalism]. Kishinev, AN MSSRlu In-t istorii im. Ia.S. Grosula Publ., 1983. Pp. 79–81. (In Russian)
34. Fonkich B.L. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v KhIV–nachale XVIII v.* [Greek manuscripts and documents in Russia in the XIV – early XVIII century]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 459 p. (In Russian)
 35. Fonkich B.L. Ioannikii Grek (K istorii grecheskoi kolonii v Moskve pervoi treti XVII v.) [Ioannikes the Greek (history of the Greek colony in Moscow in the first third of the XVII centuries)]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on feudal Russia]. Vol. 10. Moscow, St. Petersburg, Editorial URSS Publ., 2006. Pp. 85–110. (In Russian)
 36. Tsvetaev D.V. *Pamiatniki k istorii protestantizma v Rossii* [Documents of the history of Protestantism in Russia]. Moscow, V Universitetskoi tipografii, 1882. Iss. 1. 25 p. (In Russian)
 37. Tsvetkova B.A. Novye dannye o khristianakh-spakhiiakh na Balkanskom poluostrove v period turetskogo gospodstva [New data about the Christians – landowners on the Balkan Peninsula during the Ottoman domination]. *Vizantiiskii Vremennik* [Byzantine Vremennik]. Vol. 13. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. Pp. 184–197. (In Russian)
 38. Chentsova V.G. *Ikona Iverskoi Bogomateri (ocherki istorii otnoshenii grecheskoi tserkvi s Rossiei v seredine XVII v. po dokumentam RGADA)* [Icon of the Iberian Mother of God (essays on the history of relations between the Greek church and Russia in the middle of the 17th century according to the documents of the RGADA)]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 416 p. (In Russian)
 39. Chesnokova N.P. Materialy Posol'skogo prikaza o prebyvanii v Rossii grecheskikh kuptsov 40–60 gg. XVII v. [Documents of the Diplomatic department for Greek merchants (40–60 - s XVII cent.)]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Problemy istochnikovedeniia*. 17-e Chteniia pamiati chlen.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto [Eastern Europe in antiquity and the middle ages 4-th Readings in memory of prof A. A. Zimin]. 4-e Chteniia pamiati d.i.n. A.A. Zimina. Tezisy докладov. Moscow, Ak. Nauk Publ., 2005. Part 2. Pp. 354–357. (In Russian)
 40. Shakhova A.D. Greki v Moskve v XVI–XVII vv. [The Greeks in Moscow in the XVI – XVII century]. *Rossii i Khristianskii Vostok* [Russia and the Christian East]. Iss. II–III. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2004. Pp. 199, 201. (In Russian)
 41. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 35, inventory 1, file 52, sheets 119–122. (In Russian)
 42. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1620, file 2, sheet 7. (In Russian)
 43. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1. 1631, file 9, sheet 1. (In Russian)
 44. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1632, file 14, sheet 20. (In Russian)
 45. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1632, file 17, sheet 12. (In Russian)
 46. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1634, file 14, sheet 5. (In Russian)
 47. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1637, file 6, sheet 2, 19, 1–26. (In Russian)
 48. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1. 1643. file 1, sheet 5. (In Russian)
 49. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 150, inventory 1644, file 1, sheet 22–23. (In Russian)
 50. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1646, file 8, sheet 1–4. (In Russian)
 51. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1647, file 16. sheet 49. (In Russian)
 52. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 1, 1648, file 39, sheets 1, 3–4, 12. (In Russian)
 53. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 2, 1656, file 555, sheet 1. (In Russian)
 54. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 52, inventory 2, 1656, file 554, sheet 1. (In Russian)

55. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 68, inventory 1644, file 3, sheets 10–21. (In Russian)
56. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 150, inventory 1637, file 3, sheet 1. (In Russian)
57. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 150, inventory 1644, file 1, sheets 1–28. (In Russian)
58. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 9, column 75, sheet 133. (In Russian)
59. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 13, column 37, sheet 503. (In Russian)
60. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 210, inventory 13, column 260, sheets 327–328. (In Russian)
61. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 214, inventory 3, column 322, sheet 49. (In Russian)
62. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Fund 396, inventory 1, file 2007, sheet 1. (In Russian)

About the author:

Tatiana A. Oparina – PhD, professor, the Dean of the faculty of Fine Arts in the Academy of painting, sculpture and architecture. Myasnitskaya str., 21, 101000, Moscow, Russia.
E-mail: t-a-opart@yandex.ru.

The work has been prepared with the support of the Russian State Scientific and Technical Information Foundation, the international project KERIE, 12-21-14001.